

Стелла

Я все еще лежу на полу.
Лежу, обхватив руками колени.

Вдох. Выдох.

От биения сердца шумит в ушах, острая боль в животе сменилась дурнотой, дрожь прекратилась.

Меня зовут Стелла Видстранд, а не Стелла Юханссон. Мне тридцать девять, а не девятнадцать. И у меня больше не случаются панические атаки.

В комнату падает серый осенний свет. Я слышу шум дождя, льющего за окном. Мой кабинет выглядит как обычно. Высокие окна, болотно-зеленые стены. Привольный пейзаж в раме на стене, ковер ручной работы на деревянном полу. Мой старый добрый стол, два кресла в углу у двери. Помню, как я сама обставляла кабинет, продумывая каждую деталь. Теперь уже не скажу, почему это казалось таким важным.

Я всегда представляла себе, что сама найду ее. Не думала, что она разыщет меня. Возможно, она сделала это из любопытства — желая посмотреть, кто же я. Или для того, чтобы упрекнуть меня, — чтобы я никогда не забыла.

Может быть, из чувства мести.

Мне понадобились десятилетия, чтобы заново построить свою разрушенную жизнь, прийти к тому, чем я занимаюсь сегодня. Но даже если я оставила позади все, что произошло тогда, — я ничего не забыла. Такое не забывается.

Я лежу на полу.

Колени к груди.

Вдох. Выдох.

Хенрик поцеловал меня в щеку, уходя на работу. Я позавтракала вместе с Эмилем, высадила его у школы и поехала дальше в сторону Кунгсхольмена*. Все было как обычно. Запотевшие стекла в машине, пробка на мосту Трансбергсбрун, туман над серой гладью воды озера Меларен, нехватка парковочных мест в центре города.

Она пришла на прием за час до обеда. Я открыла, услышав стук в дверь, и тут же узнала ее. Мы пожали друг другу руки. Она представилась как Изабелла Карлссон.

Знает ли она свое настоящее имя?

Я взяла у нее из рук мокрую от дождя куртку. Сказала что-то о погоде, пригласила в свой кабинет. Изабелла Карлссон улыбнулась и устроилась в одном из кресел. Когда она улыбалась, на щеках у нее появлялись ямочки.

Как обычно, когда пациент приходит ко мне впервые, я задала вопрос, что заставило ее обратиться за помощью. Изабелла Карлссон хорошо подготовилась. Свою роль

* Кунгсхольмен — остров в самом центре Стокгольма. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

она сыграла прекрасно: рассказала, что после смерти отца ее мучает бессонница. Ей нужна помощь, чтобы справиться со своим горем. Добавила, что испытывает растерянность и неуверенность в себе, что у нее возникают трудности в общении.

Все было тщательно отрепетировано.

Зачем?

Она с таким же успехом могла сказать все как есть. Не было никакой необходимости скрывать истинные причины своего появления.

Ей недавно исполнилось двадцать два. Среднего роста, стройная фигурка с тонкой талией. Коротко подстриженные ногти без маникюра. Ни татуировки, ни пирсинга, даже дырочек в ушах нет. Черные прямые волосы спадали до середины спины. Мокрые от дождя, они казались особенно блестящими и подчеркивали белизну кожи, и тут я подумала — какая же она красивая. Гораздо красивее, чем я могла себе представить.

Наш дальнейший разговор прошел как в тумане. Задним числом я даже не вспомню, что говорила. Вероятно, что-то про динамику групповой терапии, возможно, что-то о коммуникации и о том, как наш образ-Я влияет на наше отношение к другим.

Казалось, Изабелла Карлссон внимательно слушает меня. Движением головы она откинула назад волосы, снова улыбнулась. Однако она все время была начеку. Напряжение не спадало.

Сначала на меня накатила тошнота, потом закружилась голова, грудь сдавило так, что стало трудно дышать. Все эти симптомы мне хорошо знакомы. Извинившись, я вышла из кабинета и закрылась в туалете в конце ко-

ридора. Сердце отчаянно колотилось, холодный пот стекал по спине, а в голове стучало так, что искры сыпались из глаз. В животе все перевернулось, я встала на четвереньки перед унитазом, пытаюсь вызвать рвоту. Не получилось. Тогда я села на пол, прислонившись к кафельной стене, и закрыла глаза.

Прекратить думать о ней.

Прекратить думать.

Прекратить.

Через несколько минут я вернулась, сказала, что жду ее на сеансе групповой терапии в среду в час дня. Изабелла Карлссон накинула куртку, приподняла волосы на затылке и встряхнула ими. Мне захотелось протянуть руку и прикоснуться к ее прядям, но я сдержалась.

Она заметила это.

Конечно, она обратила внимание на мои сомнения, на стремление к контакту.

Возможно, именно этого она и добивалась? Выбить меня из равновесия?

Она повесила сумку на плечо, я открыла перед ней дверь, и она ушла.

Как долго я мечтала об этом дне! Представляла себе, как все это будет, что я буду говорить. Все должно было произойти совсем не так. И оказалось, что это куда большее, чем я думала.

Я лежу на полу.

Лежу, притянув колени к груди.

Вдох. Выдох.

Она вернулась.

Она жива.

Изабелла

— Изабелла!

Я обернулась на голос Юханна. Снова я оказалась в корпусе М, в самом дальнем конце кампуса, где располагалось кафе. В разгар обеденного перерыва в зале яблоку негде было упасть, все столы и стулья были заняты. В обед тут всегда толпились студенты. Я повертела головой, но Юханну не увидела. Наконец она поднялась со своего места и помахала мне рукой.

— Иди сюда! — крикнула она.

Я совершенно не хотела присоединиться к ней. Всю последнюю лекцию я сидела как на иголках. Казалось, я сейчас взорвусь от переполнявших меня чувств.

Горе. Гнев. Ненависть. Попытки все это скрыть. Улыбаться, казаться милой. Изображать из себя кого-то другого, не быть собой.

Более всего на свете мне хотелось бы съесть свой бутерброд в одиночестве, пока не началась очередная лекция. Еще раз обдумать то, что произошло в кабинете Стеллы. *Однако мне трудно сказать «нет»*. Закинув сумку на плечо, я начала прокладывать себе путь среди человеческих тел, валяющихся на полу сумок, зеленых столов и красных стульев, и наконец добралась до их столика.

Юханна — самый близкий мне человек. Никогда у меня не было подруги ближе нее. С самых первых ужасных дней в Королевском технологическом институте, когда она взяла меня под свое покровительство и предложила мне переехать к ней. До сих пор не знаю, почему она так поступила. Мы с ней такие разные. Она человек опытный, много всякого повидала в жизни, путешествовала почти по всему миру. Волосы у нее выкрашены в

лиловый цвет, в ушах дырочки, в носу кольцо, татуировка на пояснице и еще одна на запястье. Единорог, дышащий огнем. Она крутая и уверенная в себе. И прекрасно знает, чего хочет.

Сюзи и Марьям, сидящие возле нее, тоже очень милые. Но только с Юханной я могу расслабиться, быть собой.

— Куда ты пропала? — спросила Марьям. — Что-то я тебя на матане не видела.

— А меня и не было, — ответила я.

— Случилось что-то страшное? — воскликнула Сюзи, прикладывая руку к груди. — Ты же никогда не прогуливаешь!

— Мне пришлось уйти, сделать одно дело.

Я придвинула себе стул, повесила на спинку промокшую куртку и села. Меня до сих пор удивляет, что люди меня замечают, что кто-то обращает внимание на мое отсутствие. И даже скучает без меня. Я привыкла казаться невидимой.

Раскрыв сумку, я достала из нее завернутый в пластик бутерброд, купленный в супермаркете по дороге. Бутерброд уже потерял вид, и я кинула его обратно в сумку.

— Там все еще идет дождь? — спросила Юханна.

— Как с утра зарядил, так и льет, — ответила я.

— Тоска! — вздохнула Сюзи, перелистывая учебник по механике. — Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— В последний раз я записала кучу всего про вращательные моменты, — ответила Юханна. — Но я не уверена, что все это относится к тому, к чему нужно.

Они засмеялись. Я тоже. Но какая-то часть моего существа словно бы сидела в прозрачном стеклянном аквариуме и смотрела наружу. Во мне живут два разных

человека, я знаю. Один — это тот, кого все видят. Второго, настоящего, вижу только я. Между ними — пропасть. Внутри меня — бездна и тьма. (У меня есть склонность к мелодраматичности).

— Изабелла, ты же понимаешь, — воскликнула Марьям, поворачиваясь ко мне. — У меня уже паника. Пора начинать готовиться к экзамену!

— Если прочитать учебник, то там все понятно, — ответила я.

— Ну да, некоторым понятно. Если бы мы сидели и зубрили, как ты, вместо того чтобы ходить на вечеринки, мы бы тоже секли, — усмехнулась Сюзи и толкнула меня кулачком в бок.

— Признайся, что она права!

Скомканная салфетка Юанны полетела мне в голову.

— Признайся, Изабелла!

— Вы считаете меня зубрилкой? — спросила я. — Занудой, которая не умеет отрываться? Да не будь меня, у вас вообще не было бы никаких шансов, бездельницы хреновы!

Я швырнула скомканный шарик обратно в Юанну и расхохоталась, когда мне в голову тут же устремились два новых. Снова кинула смятой салфеткой в Сюзи и Марьям, и вскоре за нашим столом началась настоящая салфеточная война. Мы смеялись, вопили, а все остальные, сидящие в кафе, подскочили и начали болеть за нас, и тут...

У меня зазвонил мобильный телефон.

Слишком часто я так поступаю. Переношусь в мир вымысла и мечтаний. Мысленно проигрываю в голове маленькие смешные клипы. Сцены, где я такая же спонтанная и раскованная, как и все остальные.

Порывшись в сумочке, я нашла телефон и взглянула на дисплей.

— Кто это? — спросила Марьям. — Ты не хочешь ответить?

Я сбросила звонок и положила телефон обратно.

— Да нет, это неважно.

После лекции я поехала домой одна. Юханна отправилась к Акселю, своему парню. Строго говоря, я с удовольствием поехала бы напрямик домой после визита к Стелле, настолько тяжело мне далась встреча с ней, однако боялась пропустить что-нибудь важное в институте.

И вот я сижу в метро. Одна в толпе незнакомых людей. Когда я переехала сюда, мне поначалу казалось, что это полный кошмар, но сейчас я привыкла к такой анонимности. Прожив год в Стокгольме, я неплохо ориентируюсь. Поначалу я панически боялась запутаться в метро. Не различала поезда на Хессельбю и Хагсетру, трижды проверяла, правильно ли я еду, чтобы попасть туда, куда мне надо. Несмотря на все это, я довольно много перемещалась по городу. Посетила все торговые центры, до которых можно добраться на метро.

По каждой ветке я проехала на электричках до конца, освоила все линии метро, ездила на городском автобусе. Обошла пешком Сёдер, Васастан, Кунгсхольмен, Нормальм, но больше всего гуляла по центру.

Я разглядываю исподтишка своих спутников, воображая, что мне все про них известно. Вот эта пожилая дама с лиловыми волосами и очками в красной оправе... Два раза в неделю она ходит в зал, обтянутая в яркие леггинсы по моде 80-х, и откровенно заглядывается на мужиков.

Парочка напротив меня — сидят, держась за руки, и время от времени целуются. Он студент-медик, она учительница начальной школы. И едут они домой в свою однокомнатную квартирку у Броммаплан. Вместе приготовят ужин и посмотрят кино, заснут на диване перед телевизором. Потом она уйдет и ляжет в постель, а он усядется за компьютер и начнет смотреть порнуху.

Длинный тощий мужчина в костюме. Он кашляет так, что сгибается пополам. Умирает от рака легких. Никто не знает, сколько он еще продержится.

Сколько времени каждому из нас осталось? Жизнь может оборваться в любой момент. *Возможно, прямо сегодня.*

Мне не хватает папы. Четыре месяца прошло с того майского дня. Четыре долгих пустых месяца. Задним числом я узнала, что он плохо чувствовал себя в течение нескольких недель. Само собой, к врачу он не пошел. Я ничего не знала. Папа никогда не болел. И в этот раз решил меня не беспокоить.

Сказать, что меня мучает совесть, — значит ничего не сказать. Слишком редко я бывала дома. В последний раз я видела его на Пасху. Но уехала на следующий день.

Что мною двигало, когда я уехала жить в другой город, — не чистейший ли эгоизм? Папа хотел, чтобы я воспользовалась выпавшим шансом. Он поддерживал меня в том, чтобы оставаться в большом городе, общаться с новыми друзьями, оторваться от родительского дома.

Всю правду я узнала только после его смерти. И я никогда не прощу ей того, что она сделала. Всей душой желаю ей смерти. Ненавижу ее.

Ненавижу ее.
Ненавижу ее.
Ненавижу ее.

Стелла

Я проснулась в своем доме в Бромме*. Заснула я на кровати поверх покрывала, укрывшись пледом. Такое ощущение, что я проспала несколько дней.

Вчера, сославшись на мигрень, я попросила Ренату обзвонить оставшихся пациентов и отменить прием. Под проливным дождем остановила такси на Санкт-Эрикsgatan. Дальше не помню. Должно быть, я расплатилась с шофером, когда мы приехали, вышла из машины и вошла в дом. Сняла обувь и пальто и поднялась наверх, в спальню. Ничего этого я не помню.

Жжение в глазах, тупая головная боль — на мгновение у меня возникла надежда, что все это мне привиделось. Мне просто приснилось, что девушка по имени Изабелла Карлссон посетила мой кабинет.

Как мне хотелось, чтобы так и оказалось.

Избегать боли — основополагающий человеческий инстинкт. Лучше бежать, чем столкнуться с тем, что причиняет боль.

Если бы я могла сбежать.

Я услышала, как «рендж ровер» Хенрика въезжает на дорожку перед домом. Встала с постели, подошла к окну. Дождь все лил. Сосед стоял у забора в непромокаемом плаще со своей твякающей собачонкой. Эмиль выпрыгнул из машины и побежал к дому. Хенрик поздо-

* Пригород Стокгольма.

ровался с соседом и двинулся следом. Входная дверь открылась, и я услышала, как Хенрик окликает меня. На мгновение я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и направилась вниз.

Эмиль пробежал мимо меня, спрашивая на ходу, что на ужин. Я ответила, что понятия не имею, — тем временем он вбежал в гостиную и бросился на диван. Хенрик поднял мое пальто, лежащее на полу в прихожей, повесил его на крючок и сказал, что пытался дозвониться мне.

Я ответила, что мобильник наверняка остался в сумке. Хенрик посмотрел на пол — трубка лежала возле моих туфель. Он поднял ее и протянул мне.

— Мы хотели спросить, не купить ли нам чего-нибудь по дороге, — произнес он. — Ты не приготовила ужин.

Это прозвучало не как вопрос, а как констатация факта.

— Я не успела.

— Что-нибудь случилось?

— Почему ты так думаешь?

— А твоя машина?

Об этом я совсем забыла. Моя «ауди» осталась стоять на Кунгсхольмене.

— Я взяла такси.

Хенрик внимательно посмотрел на меня. Я быстро поцеловала его в щеку, избегая встречаться с ним взглядом, и поспешила в кухню. Он последовал за мной.

— Эмилю нужно поесть, — сказал он. — Ему скоро ехать.

У меня совсем вылетело из головы, что у Эмиля сегодня тренировка по баскетболу. В обычном состоянии я никогда бы этого не забыла. Я села к столу, проверила